

Как только Лу Нянь закончил говорить, не только ведущий опешил, но даже Чжу Е на мгновение заколебался. Всем известно, конечно, что Чжу Е именно благодаря выдающейся игре в фильме «Встречая смерть» завоевал сразу две награды за лучшую мужскую роль на внутреннем и международном кинофестивалях.

Сам сценарий «Встречая смерть» нельзя назвать выдающимся, многие даже считают его довольно скучным. Но Чжу Е и актриса, исполнявшая главную женскую роль, благодаря своему абсолютному мастерству вдохнули в эту историю характер, вдохнули душу. Они оживили своих персонажей и поднялись на ту высоту, которой заслуживали.

Как исполнитель главной роли, Чжу Е прекрасно знал, насколько требовательна эта картина к актерам. Те, казалось бы, простые реплики на самом деле требуют от актера длительного эмоционального настроя, чтобы их передать. Именно потому, что он знал, как трудно это сыграть, когда Лу Нянь предложил сыграть именно это, Чжу Е и засомневался.

Происхождение Лу Няня было простым: он не заканчивал актерских курсов, не проходил никакой системной подготовки. Он был всего лишь начинающим певцом, даже в глазах большинства — мелким интернет-знаменитостью. Такой Лу Нянь, бросающий вызов «Встречая смерть» — любой, кто видел этот фильм, чувствовал, что, возможно, Лу Нянь просто создает эффект для шоу.

Чжу Е тоже не понимал, зачем Лу Няню понадобилось вспоминать именно этот фильм. Но в тот момент, когда ведущий пытался отговорить Лу Няня от такой сложной сцены, Чжу Е кивнул и с улыбкой сказал:

— Хорошо, пусть будет по-твоему.

Три минуты пролетели быстро, и теперь на сцене остались только Лу Нянь и Чжу Е. Фон на экране сменился: пустынная улица, увядшая сакура, и Лу Нянь, везущий Чжу Е по улице.

В конце «Встречая смерть» героиня везет героя посмотреть на сакуру, но сезон цветения уже прошел. Герой, чья болезнь достигла критической стадии, беспрестанно кашляет, его взгляд мутный, нефокусированный. Болезнь забрала его здоровье, а в конце забрала и зрение. Некогда полный жизни герой теперь даже с трудом выговаривает слова.

Его лицо спокойно, он поднимает руку, нащупывая, и тихо произносит:

— Сейчас ведь уже... прошел сезон цветения?

Лу Нянь стоит за ним, тут же берет его руку, смотрит по сторонам улицы и говорит нежным голосом:

— В этом году сакура цветет долго, как раз всюю распустилась. Все деревья в цвету, очень красиво.

— Правда? — На лице героя появляется легкая улыбка. Хотя глаза уже не видят, но слушая слова героини, он словно может разглядеть, как сакура пышно цветет на деревьях, ветер поднимается, кружа лепестки и унося их вдаль.

Он поднимает голову, словно пытаясь проследить, куда улетают лепестки:

— Да... как же красиво она цветет.

Его дыхание становится все слабее, тело все холоднее, сознание уже рассеивается, но он все еще пытается дотронуться до щеки любимой:

— Когда я впервые увидел тебя, ты стояла под цветущей сакурой. Тогда я подумал: эта девушка, прекраснее сакуры, вот бы она была моей...

Лу Нянь опускается на корточки, полустановясь на колени перед коляской, берет руку Чжу Е и прижимает к своей щеке, тихо говоря:

— Я и есть твоя...

Чжу Е, касаясь лица Лу Няня, внезапно роняет слезу:

— Я так хотел... идти с тобой вместе дальше... Но я... не смогу... Ты была моей, и этого уже достаточно, правда, достаточно...

Его рука безвольно опускается, но Лу Нянь, стоящий на коленях рядом, словно не замечает этого, нежно прижимается к руке Чжу Е и говорит, будто сам с собой:

— В будущем я не буду с тобой ссориться. Не буду при первой же возможности говорить о расставании. Мы будем всегда вместе, создадим маленькую семью, родим двоих озорных детей. Я, может, и глупый, не сумею их правильно воспитать. Но я совсем не переживаю, потому что ты будешь со мной.

Лу Нянь глубоко вдыхает, хочет продолжать, но эмоции, словно прорвавшая плотину вода, больше не поддаются контролю. Он прикрывает лицо рукой Чжу Е, не видя его выражения. Но его слегка дрожащее тело выдает отчаяние и одиночество.

В конце концов, они так и не увидели сакуру и не смогут состариться вместе.

Тот, кого он любил, навсегда остался в двадцати пяти годах, не старея, не увядая.

А ему предстоит идти дальше, одинокому, беспомощному, старея...

Сидевшие в зале, те, у кого высокий порог чувствительности, смотрели со слезами на глазах. Те, у кого порог пониже, уже прикрывали рот, чтобы не разрыдаться.

Все прекрасно понимали, что люди на сцене импровизируют, но все равно погрузились в игру вместе с ними.

Даже когда слова ведущего вернули их в реальность, настроение все равно оставалось немного грустным. А двое на сцене все еще сохраняли свою последнюю позу: на первый взгляд казалось, что Лу Нянь бросился в объятия Чжу Е, и они обнялись.

Остальные решили, что они просто еще не вышли из образа, и только сам Лу Нянь паниковал не на шутку.

Только что, слишком глубоко войдя в роль, он разревелся и прикрыл лицо рукой Чжу Е. А теперь между рукой Чжу Е и его собственными глазами застряла куча жемчужин.

Вот это действительно... попадание!

Ночной ветерок был прохладен. Лу Нянь, закончив съемки программы, закрыл глаза и откинулся на сиденье, отдыхая, долгое время не двигаясь.

Боясь потревожить его отдых, ни Ся Пипи, ни Старина Чжан не произнесли ни слова, в салоне царила полная тишина. Поэтому, когда зазвонил телефон Лу Няня, звук показался особенно резким. Ся Пипи взглянул на экран, нащупал телефон и протянул Лу Няню:

— Это же император кино!

Лу Нянь мгновенно открыл глаза, приподнялся, взял телефон и какое-то время просто смотрел на него, не решаясь ответить, словно держал в руках не телефон, а бомбу. Лу Нянь всем сердцем надеялся, что тот сбросит, но телефон упрямо звонил снова и снова. Видя, как Ся Пипи и Старина Чжан с недоумением смотрят на него, Лу Нянь дрожащей рукой наконец провел по экрану, приняв вызов, и, прикрыв микрофон, осторожно произнес:

— Алло, брат Е?

— Почему так быстро сбежал? Только закончили запись, а тебя уже и след простыл.

Лу Нянь поджал губы, придумав себе оправдание:

— Я просто внезапно сильно проголодался, вот и поспешил найти что-нибудь поесть...

— Вот как, — голос с той стороны звучал неторопливо и размеренно. Даже через телефон Лу Нянь мог представить себе его мягкую улыбку. — Как раз я тоже немного проголодался, так что давай поужинаем вместе.

Лу Нянь инстинктивно захотел отказаться, но не успел он открыть рот, как Чжу Е добавил:

— Как раз мне кое-что нужно у тебя спросить...

Кое-что нужно спросить...

На программе он не сдержал эмоций и наплакал изрядное количество жемчуга. Остальные думали, что он просто слишком глубоко вошел в роль, и только сам Лу Нянь знал, как сильно он тогда запаниковал. Он даже подумал: если бы Чжу Е вскрикнул от неожиданности, увидев жемчуг в его руке, если бы все узнали, что он может плакать жемчугом... Не оказался бы он после этого вечером в Институте наук о жизни в качестве объекта исследований? Винават лишь он сам, был неосторожен. Если бы раскрылась только его собственная сущность — еще куда ни шло. Но если бы из-за него еще и Сьюй Дуна втянули, тогда ему действительно и смерть не искупит вины.

Пока Лу Нянь размышлял о возможности бегства обратно в океан, теплая сильная рука коснулась его щеки. Лу Нянь в замешательстве поднял голову и увидел улыбающегося ему Чжу Е:

— Давай сначала встанем.

Лу Нянь тут же посмотрел на его руку: пальцы белые, длинные и изящные, с четко очерченными суставами — на этой красивой руке не было ни слез, ни жемчуга, ничего.

Когда все собрались перед сценой, чтобы продолжить программу, Лу Нянь сначала опустил глаза на пол, потом посмотрел на Чжу Е. Ни там, ни там не было ни единой жемчужины, словно они испарились в воздухе. Но Лу Нянь же явно чувствовал, как они врезались ему в щеку!

В последующих частях программы Лу Нянь снова превратился в красивый, тихий фон. В конце концов, по сравнению с остальными, у него не было ни высокого статуса, ни особого желания блистать на сцене. Он просто тихо стоял в углу, не спуская глаз с Чжу Е, боясь, что во время движений из него выпадет жемчуг.

Но вплоть до окончания съемок Лу Нянь так и не обнаружил следов жемчуга.

Те, кто хотел обменяться с Лу Нянем номерами телефонов, после записи были заняты общением с другими. Чжу Е же хотел найти Лу Няня, но его задержали на пару слов, и когда он снова поднял глаза, Лу Нянь уже исчез.

Сюй Дун покинул площадку досрочно, еще в середине записи. Лу Нянь чувствовал себя неуверенно и под охраной Ся Пипи отправился домой на машине. По дороге в голове у Лу Няня проносились разные мысли. Сейчас возможны всего два варианта.

Первый — он ошибся, и на самом деле не плакал.

Второй — он действительно заплакал жемчугом, а затем жемчуг бесследно исчез. Что касается того, как он исчез, это, конечно, было неразрывно связано с Чжу Е.

<http://bllate.org/book/15296/1359227>